

Игнатий Николаевич Потапенко

# Самолюбие



Записки старого студента

Игнатий Потапенко

**Самолюбие**

«Public Domain»

1899

## **Потапенко И. Н.**

Самолюбие / И. Н. Потапенко — «Public Domain»,  
1899 — (Записки старого студента)

«— Ну, сколько тебе, Колтухин? — намекая этим на его постоянную склонность просить денег. Колтухин, в таких случаях, окатывал товарища мрачным взглядом и молча уходил. Но всё же ему приходилось просить, без этого он не мог обойтись. Самолюбие у него было большое, но был и характер.».

## Игнатий Николаевич Потапенко

### Самолюбие

Колтухину страшно не везло.

Поступил он в университет чистеньким, хорошо одетым студентиком, всегда ходил с деньгами и – добрый, отзывчивый – никогда не отказывался выручить товарища. Но вышла такая неудача, что, месяцев через шесть после его поступления<sup>4</sup> в университет, с отцом его, который занимал выгодное место в городской управе где-то в провинции, случилась история. Никто не знал этой истории, но все догадывались, что она была тёмная. Отец его лишился места и даже, кажется, небольшого состояния и попал под суд. С тех пор Колтухин сделался бедняком, ему стало не везти.

Впрочем, может быть, это происходило и оттого, что он был избалован, так как детство провёл в прекрасных условиях. Не умел он и вывернуться из таких затруднений, в которых очень легко разбирались другие. Но и кроме того, от него просто-таки отвернулось счастье. Бывает, что на человека находит такая линия, когда всё против него вооружается. Он и занимался не меньше других, и был он человек толковый, способный и знающий, но стоило ему получить урок, как через две-три недели родители заявляли претензию, что он плохо занимается. Его несчастная линия как будто переходила и на учеников его: они начинали получать двойки и единицы.

И с большим трудом боролся Колтухин со своей судьбой. Теперь он был на третьем курсе, но как изменился он в сравнении с тем, каким поступил в университет!

То был благообразный юноша, статный, с мягкими, приятными манерами, с цветущим лицом. А теперь он обносился, всё на нём было вытерто, всё утратило форму. Сам он потерял свою статность, сделался неуклюж, нескладен. В лице его появилось какое-то ожесточение, оно обросло, огрубело. Цвет лица был серый, неприятный, борьба, которую он выдерживал, вся отражалась в этом лице.

Разумеется, среди товарищей пропасть с голоду нельзя. У того рубль возьмёт, у этого два. Нередко ему приходилось ночевать на чужих квартирах. Это не всем нравилось, многих это стесняло, но к этому привыкли и терпели.

Всякому приходится бывать в затруднении и пользоваться услугами товарища. Но у Колтухина это сделалось постоянным. Он вечно был в затруднении, и вечно ему нужна была какая-нибудь помощь. Жалко было смотреть на него, и, конечно, не виноват он был в своих несчастьях. Все это очень хорошо понимали, но не все умели быть деликатными и тактичными, и у многих в обращении с ним проглядывало скрытое пренебрежение. Иной, увидев печальное лицо Колтухина, прямо говорил:

– Ну, сколько тебе, Колтухин? – намекая этим на его постоянную склонность просить денег.

Колтухин, в таких случаях, окатывал товарища мрачным взглядом и молча уходил. Но всё же ему приходилось просить, без этого он не мог обойтись. Самолюбие у него было большое, но был и характер. Он понимал, что ему поскорее и, во что бы то ни стало, надо кончить курс и получить диплом, что только это одно может избавить его от унижительной бедности. И, решив так, он уже сознательно терпел все оскорбления. О нём составилось мнение, как о человеке неспособном, неуживчивом, бестактном. Но это была неправда. Ему просто не везло, адски не везло.

И не только среди товарищей была плохая репутация у Колтухина, но и среди профессоров и начальства. Не проходило месяца, чтобы Колтухин не подал ректору прошения, в котором по общепринятой форме писал: "находясь в крайне стеснённых обстоятельствах, покорнейше прошу выдать мне единовременное пособие", и так дальше. Ему сперва выда-

вали маленькие суммы, десять-пятнадцать рублей, но когда просьбы сделались постоянными и частыми, стали отказывать. А стипендий было мало, и он никак не мог получить её, так как и отметки у него были плохи.

Колтухин был с виду человек мирного нрава, с товарищами не ссорился, но и не сходилась с ними близко. Пробовал он сойтись с тем, другим, но едва только замечал пренебрежение, как тотчас же отходил прочь и больше не делал попыток. Только с одним Смуровым он был более или менее близок, и то лишь потому, что они были из одного города и вместе учились в гимназии.

Смуров знал его историю и жалел его, но помочь не мог, потому что сам еле сводил концы с концами. Но даже и Смуров не знал, что делалось в душе у Колтухина. А между тем в душе его зияла страшная рана уязвлённого самолюбия, рана эта с каждым днём увеличивалась и, наконец, дошла до таких пределов, что он не мог справиться с ней.

И вот заметили, что Колтухин уже несколько дней подряд не появлялся в кухмистерской, где иногда за него платили товарищи, и ни у кого не просил денег.

Это было странно. В университете он появлялся, слушал лекции и, вообще, ни в чём не изменил своего поведения.

– Ты, должно быть, нашёл занятия, Колтухин? – спрашивали его.

– Да, нашёл! – отрывисто отвечал он и больше не хотел давать никаких разъяснений.

– Урок?

– Да, урок.

– Хороший?

– Ничего... жить можно...

Очевидно, он не желал быть откровенным. Но, наконец, эту перемену заметил и Смуров.

– В самом деле, Колтухин, ты получил урок? – спросил он однажды у товарища.

– Разве это так невозможно? – промолвил Колтухин не совсем дружелюбно.

– Нет, отчего же? Я очень рад, если ты, наконец, получил... Но... но тебе так долго это не удавалось.

– А теперь удалось. Вот и всё.

– Где же? У кого?

– Не всё ли это равно?

– Странно, что это может быть секретом. Извини...

– Не секрет, а только что тут интересного? Все уроки одинаковы... Так, в одном семействе... У чиновника...

– Со столом?

– Да, и со столом...

– Ну, слава Богу... Я очень, очень рад за тебя, Колтухин.

– Спасибо...

Смуров рассказал товарищам, что у Колтухина в самом деле есть урок за стол и комнату, и все порадовались этому. Очень скоро можно было заметить, что среди товарищей начало исчезать прежнее отношение к нему. Это делается как-то само собой, незаметно. Скверное свойство человеческой натуры – невольно относиться с уважением к удаче, а сожаление к неудачам ближнего очень скоро переходит в пренебрежение к нему. Впрочем, Колтухину помогло и то, что он больше никого не беспокоил просьбами, прекратились и его прошения ректору о пособиях. Словом, Колтухин, по-видимому, стал на ноги, и все уже начали забывать о том, как прежде он постоянно надоедал всем.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.